

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.25>

Сошников Александр Олегович

ГРАММАТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ В АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В данной статье проводится сопоставительный анализ структурно-семантической организации текста художественного произведения У. Фолкнера "Шум и ярость" и его русского перевода. Наличие в тексте оригинала отклонений от грамматико-синтаксических норм представляется важным выразительно-изобразительным средством, дающим возможность автору добиться эффекта потока сознания, что было бы невозможно при сохранении линейной тема-рематической последовательности. Исследуемые грамматико-синтаксические аномалии английского и русского текстов рассматриваются в контексте их эмоционального воздействия на читателя, а также предпринимается попытка определить степень соответствия текста перевода оригинальному тексту с точки зрения выбора переводческих стратегий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/2/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 2. С. 115-119. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Гибб Х. А. Р. Арабская литература. Классический период. М.: Издательство восточной литературы, 1960. 188 с.
2. Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977. 176 с.
3. Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. Изд-е 2-е. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. 727 с.
4. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 848 с.
5. Редькин О. И. Арабская письменность: до или после ислама? // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2012. Вып. 2. С. 109-116.
6. Родионов М. А. Демоны слов на краю Аравии (общество и стихотворство Хадрамаута). СПб.: Наука, 2009. 162 с.
7. Фролов Д. В. Арабская филология. Грамматика, стихосложение, филология. Статьи разных лет. М.: Языки славянской культуры, 2006. 440 с.
8. Фролов Д. В. Классический арабский стих. История и теория аруда. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. 359 с.
9. Холшевников В. Е. Основы стиховедения: русское стихосложение: учеб. пособие для студ. филол. фак. вузов. Изд-е 5-е. СПб. – М.: Филологический факультет СПбГУ; Академия, 2004. 208 с.
10. Bell R. Introduction to the Quran. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1953. 190 p.
11. Bernikova O., Redkin O. Linguistics and Islamic Studies in Historical Perspective: The Case of Interdisciplinary Communication // Proceedings of the 8th International Multi-Conference on Complexity, Informatics and Cybernetics (IMCIC 2017). Orlando: International Institute of Informatics and Cybernetics, 2017. P. 311-315.
12. Borg G. Saj' // Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics / ed. by L. Edzard, R. de Jong. Leiden – Boston: Brill, 2009. Vol. IV. P. 103-106.
13. Owens J. The Arabic Grammatical Tradition // The Semitic Languages / ed. by R. Hetzron. N. Y.: Routledge, 1997. P. 46-58.
14. Stewart D. J. Saj' in the "Qur'ān": Prosody and Structure // Journal of Arabic Literature. 1990. Vol. 21. № 2. P. 101-139.
15. ص 2134. 1996. مكتبة لبنان، بيروت: مکتبة لبنان، بيروت: مكتبة العلوم والفنون. بكشاف اصطلاحات الفنون والعلوم. بيروت: مكتبة لبنان، 1996. 2134 с.). (Мухаммад 'Али Ат-Тахавани. Раскрывающий термины искусств и наук. Бейрут: Библиотека Ливана, 1996. 2134 с.).
16. 461. أبو هلال حسن ابن عبدالله العسكري كتاب الصناعاتين. دار إحياء الكتب العربية. (Абу Хилал Хасан б. 'Абдаллах Ал-'Аскари. Книга двух искусств. Каир: Дом возрождения арабской книги, 1952. 461 с.).

TRADITIONAL TERMS OF CLASSIFICATION OF RHYMED AND RHYTHMIC PROSE (SAJ')
OF THE QURAN BY THE RHYME TYPE

Rozov Vladimir Andreevich
Saint Petersburg University
vladirozov@yandex.ru

This article deals with the terms formed within the framework of the traditional Arabic philology that classify the Arabic rhymed prose (saj'). The description of two groups of terms is given. These are various variants of the name of a rhyming word, carrying information about the functions of the saj' rhyme, as well as terms that classify saj' by formal characteristics: type of rhyme and presence/absence of syntactic and morphological parallelism of lines. The obligatory criterion for determining a text as saj' is the presence of at least one of two types of rhyme: assonance, generated by the unity of the morphological patterns of words, or rhyme to a final consonant.

Key words and phrases: rhyme; saj'; assonance; rhymed prose; Quran; Arabic language; morphology; morphological patterns; syntactic parallelism.

УДК 811.111

Дата поступления рукописи: 30.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.25>

В данной статье проводится сопоставительный анализ структурно-семантической организации текста художественного произведения У. Фолкнера «Шум и ярость» и его русского перевода. Наличие в тексте оригинала отклонений от грамматико-синтаксических норм представляется важным выразительно-образительным средством, дающим возможность автору добиться эффекта потока сознания, что было бы невозможно при сохранении линейной тема-рематической последовательности. Исследуемые грамматико-синтаксические аномалии английского и русского текстов рассматриваются в контексте их эмоционального воздействия на читателя, а также предпринимается попытка определить степень соответствия текста перевода оригинальному тексту с точки зрения выбора переводческих стратегий.

Ключевые слова и фразы: структурно-семантическая организация; актуальное членение; художественный текст; грамматико-синтаксические конструкции; пропозиции; макропропозиции.

Сошников Александр Олегович, к. филол. н.
Курский государственный университет
alexandersoshnikov@rocketmail.com

ГРАММАТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ
В АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Проблема актуального членения предложения при переводе художественного текста заключается не только в правильном выстраивании на языке перевода тема-рематической последовательности, которая была бы

созвучна с оригинальной, но и в необходимости учета факторов, влияющих на формирование данной последовательности. Одним из таких факторов являются семантические связи между структурными единицами текста. Нарушение данных связей с целью достижения качественно иного эмоционального воздействия на читателя вызывает определенные трудности при переводе текста на другой язык. Поскольку план содержания текста неразрывно связан с планом выражения, чрезмерная смысловая нагруженность относительно небольших участков текста подталкивает автора к поиску новых путей реализации своего замысла вплоть до создания разрозненных тема-рематических звеньев внутри единого семантического поля текста. Отсутствие синтаксической сегментации текста в сочетании со слабо выраженной грамматической упорядоченностью его единиц влечет за собой появление грамматико-синтаксических аномалий. Между тем «языковая аномалия как отклонение от правил или норм вовсе не перечеркивает само правило или норму, оно может быть рационально мотивировано, коммуникативно адекватно, прагматически успешно и семантически осмысленно» [8, с. 9].

Актуальность данной работы, направленной на рассмотрение грамматико-синтаксических аномалий английского художественного текста и способов их перевода на русский язык, объясняется растущим интересом к изучению структурно-семантической организации текста как самостоятельного средства оказания эмоционального воздействия на читателя. Новизна исследования определяется попыткой рассмотреть грамматико-синтаксические аномалии как альтернативу тема-рематической последовательности с целью выхода из линейной текстовой плоскости и создания эффекта многомерности художественных образов за счет апелляции к пространственно-временным категориям. Целью работы является анализ специфики функционирования грамматико-синтаксических аномалий в оригинальном художественном тексте и выявление степени их присутствия при переводе на другой язык. В соответствии с поставленной целью определяются и решаются следующие конкретные задачи:

- анализ особенностей художественного текста;
- отбор материала для исследования на основании поставленной цели;
- выявление и описание грамматико-синтаксических аномалий оригинального текста и их влияния

на структурно-семантическую организацию текста перевода.

Специфика текста с точки зрения его структурно-семантической организации определяется совокупностью его пропозиций, т.е. «семантических инвариантов, общих для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложений конструкций» [1, с. 401], и макропропозиций – особых ментальных конструктов, служащих для восстановления нарушенной связи между пропозициями [2, с. 28]. Помимо собственно лингвистического наполнения текста, его содержание определяется наличием в нем имплицитной информации и ее интерпретацией в процессе восприятия. Исходя из этого, возникает контекст, обуславливающий употребление структурных единиц текста. Являясь своего рода энергетическим полем, влияющим на «заряженность» имеющихся единиц новыми смыслами, контекст находится за рамками конкретного лингвистического знака и может представлять собой «любой фактор – лингвистический, физический, общественный, – который влияет на его интерпретацию» [4, с. 8].

Сложности при переводе художественного текста на иностранный язык возникают на стыке материальной и идеальной сущности текста, когда перед переводчиком стоит задача не просто последовательной передачи семантико-синтаксической структуры оригинального текста, а выстраивания нового уникального художественного произведения. Имея в распоряжении ограниченный арсенал выразительных средств, переводчику приходится сталкиваться с ситуациями, требующими поиска нестандартных путей передачи содержания иноязычного текста. В таких ситуациях контекст играет решающую роль в выборе лингвистического знака, т.е. в реализации плана выражения текста, и позволяет найти компромиссное решение в отношении плана содержания. «Художественный текст – сложно построенный смысл. Все его элементы суть элементы смысловые» [5, с. 24]. Данное утверждение свидетельствует о важности буквально каждого структурного элемента текста для воссоздания его точного образа средствами другого языка. Появление такого образа внутри нового в лингвистическом, а не художественном плане произведения не означает линейности его интерпретации. Наоборот, качественно выполненный перевод художественного текста в той же мере, что и оригинальный текст, содержит «ряд смысловых линий, порождающих значительное число вариантов понимания» [9, с. 25].

В большинстве художественных текстов тема-рематическая последовательность, несмотря на упомянутую выше нелинейность плана содержания, носит выраженный характер. Это обусловлено наличием логических причинно-следственных связей, неизменно присутствующих в семантико-синтаксической ткани текста на том основании, что связность и цельность, как правило, являются неотъемлемым условием его существования. Однако для того чтобы добиться определенного эмоционально-психологического эффекта или более полно и точно раскрыть образ литературного героя, некоторые авторы художественных произведений намеренно «искажают» план выражения текста, затрудняя его восприятие и понимание. Отступление от привычной структурно-семантической организации текста, при которой новая информация возникает на основе уже имеющейся, влечет за собой нарушение логических связей между семантическими центрами текста и осложняет установление функционально-семантического статуса высказываний. Тем не менее именно в художественном тексте языковые аномалии способны «утрачивать свой потенциально деструктивный характер и обретать прагматическую оправданность, функциональную целесообразность и эстетическую значимость» [8, с. 4]. По мнению Ю. М. Лотмана, «сложность структуры находится в прямо пропорциональной зависимости от сложности передаваемой информации. Усложнение характера информации неизбежно приводит и к усложнению используемой для ее передачи семиотической системы» [5, с. 22].

При отсутствии связности между структурно-семантическими единицами текста и наличии заведомо неправильной организации грамматико-синтаксических конструкций автор способен сохранить целостность текста, а следовательно, и его художественную ценность только с помощью контекста. Опора на контекст, в рамках которого представлен набор кажущихся несовместимыми и исключаящими друг друга конструкций и единиц текста, позволяет усложнить информативный компонент текста и наполнить его новыми смыслами. Автор дает возможность читателю по-другому взглянуть на привычные вещи, раздвигая границы его восприятия посредством отхода от тема-рематической прогрессии и целенаправленного использования несочетаемых грамматико-синтаксических конструкций. Следовательно, присутствие в высказывании языковых аномалий свидетельствует о «формировании нового, приращенного смысла, не являющегося выражением системного значения предложения» [6, с. 25].

Художественное произведение американского писателя Уильяма Фолкнера «Шум и ярость» является наглядным примером использования нестандартной структурно-семантической организации текста для передачи психологического драматизма событий, описанных в романе. Во второй части произведения повествование ведется от лица одного из главных персонажей романа, Квентина, и, в сущности, представляет собой поток сознания, характерный для модернистского направления в литературе начала XX века. Автор не предлагает читателю готовых вариантов интерпретации текста, поскольку «в основе творческой выразительности лежит неприкосновенный субъективизм, а монолог Квентина отображает модернистскую обеспокоенность, связанную с утратой субъективизма и вторжением внешнего мира в его личное, интимное пространство» [12, р. 134].

Таким образом, можно сделать вывод, что данный текст не написан для читателя в прямом смысле этого слова, что было бы ожидаемо в рамках классического романа. Автор всего лишь предоставляет читателю возможность наблюдать за переживаниями героя, следуя тому стихийному направлению, которое избирает его внутренняя речь. «Особенностью индивидуального стиля У. Фолкнера с его громоздкими сложносочиненными и сложноподчиненными конструкциями является нарушение грамматической иерархии, порядка следования подчиненных конструкций» [3, с. 20]. Данный подход продиктован необходимостью выразить невыразимое, т.е. тот глубинный смысл, который всегда ускользает, когда внутренняя речь перетекает во внешнюю. Отсюда возникают ее фрагментарность, структурно-семантическая незаконченность и, вместе с тем, линейность и пространственно-временная протяженность. Особенно наглядно это проявляется при погружении персонажа в воспоминания, повлиявшие и все еще продолжающие влиять на его мироощущение.

Рассмотрим следующий отрывок из текста оригинала [11, р. 101]:

“I went down the drive and out the gate I turned into the lane then I ran before I reached the bridge I saw him leaning on the rail the horse was hitched in the woods he looked over his shoulder then he turned his back he didn’t look up until I came onto the bridge and stopped he had a piece of bark in his hands breaking pieces from it and dropping them over the rail into the water

I came to tell you to leave town

he broke a piece of bark deliberately dropped it carefully into the water watched it float away

I said you must leave town

he looked at me

did she send you to me

I say you must go not my father not anybody I say it”.

Отличительной особенностью данного отрывка является полное отсутствие знаков препинания и прописных букв, за исключением местоимения “I”. Такой прием позволяет автору выйти за рамки упорядоченных, четко очерченных синтаксических конструкций и добиться эффекта потока сознания. Однако тема-рематическое членение прослеживается за счет сохранения грамматических конструкций, обеспечивающих связность и целостность данного текста. С одной стороны, устранение границ между структурными элементами текста придает ему тягучесть при восприятии, а с другой стороны, снимает семантические акценты, давая возможность элементам, которые при надлежащем синтаксическом оформлении текста находились бы на периферии, занять равноправное положение с центральными элементами и оказывать равносильное им эмоциональное воздействие на читателя. Очередность реплик в диалоге, каждая из которых начинается с новой строки, также способствует адекватному пониманию текста, тем более что взаимопроникновение прямой и косвенной речи не является неразрешимой проблемой.

Кроме того, в русском варианте присутствуют кавычки и прописные буквы, что еще больше облегчает понимание текста [10, с. 168].

«Аллеей вышел из ворот свернул в проулок и бегом Еще издали увидел его на мосту Стоит облокотился на перила Лошадь в зарослях привязана Покосился на меня через плечо и больше не взглядывал пока я не подошел вплотную В руках у него кусок коры обламывает и роняет с перил в воду

“Я пришел вам сказать чтобы вы уезжали из города”

“Отломил кусочек не спеша аккуратно бросил в воду глядит как уплывает”

“Слышите сегодня же”

Поглядел на меня

“Это она послала тебя”

“Я не слова отца передаю вам или чьи-либо Это я от себя велю вам убраться”».

На данном примере видно, что выполненный перевод не является буквальным, поскольку за основу берется не внешняя оболочка слова, а намерение автора оказать идейно-эмоциональное воздействие

на читателя [7, с. 116]. В этой связи можно наблюдать отсутствие повторяющегося местоимения «я» и смещение акцента в сторону предикативности внутренней речи. Частичное восстановление синтаксических границ внутри текста компенсирует потери в плане содержания, и тем самым достигается эффект погружения в события прошлого.

Рассмотрим другой отрывок, в котором сознание одного из главных персонажей романа переключается между событиями, происходящими с ним в настоящем, и чередой образов, представляющих собой результат глубокого психологического кризиса, едва ли поддающегося вербализации [11, p. 109].

“Then I opened the bag and took the shirt and collar and tie out and put the bloody ones in and closed the bag, and dressed. While I was brushing my hair the half hour went. But there was until the three quarters anyway, except suppose *seeing on the rushing darkness only his own face no broken feather unless two of them but not two like that going to Boston the same night then my face his face for an instant across the crashing when out of darkness two lighted windows in rigid fleeing crash gone his face and mine just I see saw did I see not goodbye the marquee empty of eating the road empty in darkness in silence the bridge arching into silence darkness sleep the water peaceful and swift not goodbye*”.

В данном случае переход от повествования к описанию образов, возникающих в сознании героя, происходит внутри единой синтаксической конструкции, которую сложно назвать предложением, поскольку ее структура нарушена как на синтаксическом, так и на грамматическом уровнях. Акциональный характер повествования, наблюдаемый в первой части данного отрывка, ориентирует читателя на восприятие линейности временного плана, тогда как во второй его части автор ставит имя существительное во главу угла и стремится к многомерности пространственного плана. На смену грамматико-синтаксической упорядоченности, отражающей внешний облик персонажа как исправно функционирующей единицы социума, приходит, на первый взгляд, крайне несогласованная и противоречивая последовательность слов и словосочетаний, символизирующая неразрешимый внутриличностный конфликт. Автор использует курсивный шрифт, чтобы обозначить переход от внешней размерности и рациональности материального мира к пустоте и хаосу мира духовного. Чередуемость образов происходит скачкообразно, а грамматически неправильное соседство некоторых слов, как, например, неадекватное использование категории времени глаголов в последовательности “see saw did I see” ввиду полного отсутствия знаков препинания, чрезвычайно осложняет восприятие и понимание текста.

Не меньшие трудности возникают и при попытке перевести данный фрагмент на русский язык, поскольку во второй его части почти полностью отсутствуют личные формы глагола, которые играют ведущую роль в структуре пропозиций и, следовательно, в восприятии текста как единого целого [10, с. 180].

«Открыл затем маленький чемодан, достал рубашку, воротничок и галстук – а те, заляпанные, уложил, закрыл чемодан – и надел их. Когда причесывался, пробило половину. Но времени у меня по крайней мере до без четверти, вот разве только если *на летящей тьме он одно лишь свое лицо видит а сломанного пера нет разве что их две в такой шляпе но не в один же вечер две такие будут следовать в Бостон трамваем И вот мое лицо с его лицом на миг сквозь грохот когда из тьмы два освещенных окна в оцепенело уносящемся грохоте Ушло его лицо одно мое вижу видел а видел ли Не протысь Навес без кулька и пустая дорога в темноте в тишине Мост выгнувшийся в тишину темнота сон вода благодатная быстрая Не протысь*».

На данном примере видно, что, несмотря на сохранившуюся смысловую раздробленность и соответствующее оригинальному тексту переключение между меняющимися образами, текст перевода претерпел некоторые грамматико-синтаксические преобразования, заметно облегчившие если не его понимание, то, по крайней мере, восприятие. Речь идет о расширении структурно-семантических конструкций внутри текста за счет объединения смежных элементов с помощью союзов. Так, например, последовательность “then my face his face” в русском варианте получила союз «с»: «И вот мое лицо с его лицом». А последовательность “only his own face no broken feather” получила перевод «одно лишь свое лицо видит а сломанного пера нет», в котором, наряду с личной формой глагола, возникает союз «а». Кроме того, как и в случае с приведенным выше примером диалогической речи, данный русский перевод содержит прописные буквы, что способствует установлению границ между различными смысловыми участками текста.

Таким образом, можно заключить, что содержание двух проанализированных отрывков влияет на логику выстраивания их структурных единиц. В первом случае события, произошедшие в прошлом, представлены в виде диалога, пропущенного сквозь призму воспаленного сознания главного героя, сама структура которого позволяет вычленять отдельные его сегменты. Сохранена последовательность обмена репликами, а в русском варианте наличие кавычек позволяет еще больше отдалиться от абстрактной передачи потока сознания и максимально приблизить текст к привычной структуре диалога. По-другому дело обстоит со вторым отрывком, который в плане выражения является беспорядочным скоплением образов и сохраняет целостность только благодаря глубинным, сугубо личным смыслам, порожденным сознанием главного героя, цементирующим структурные единицы при всей их непоследовательности и несовместимости. Трудности, возникающие при восприятии данного отрывка, сопряжены с тем, что читатель пытается рассматривать текст как внутренний монолог, тогда как автор намеренно акцентирует внимание на статичных образах, по возможности избегая использования предикативных конструкций. Следовательно, мы имеем дело с попыткой автора выразить довербальный этап речепорождения, при котором образы, возникающие в сознании говорящего, только начинают получать свои наименования.

Относительно разницы между английским и русским текстами следует отметить, что формирование макропропозиций для заполнения нарушенной связи между структурно-семантическими элементами текста представляется более легкой задачей при чтении русского перевода, а неярко выраженная тема-рематическая

последовательность оригинального текста предполагает опору на контекст, нежели на грамматико-синтаксическую организацию самого текста.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 401-402.
2. Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма): монография. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2010. 200 с.
3. Измайлов А. З. Сохранение экспрессивной функции текста при переводе с английского языка на русский (на материале произведений У. Фолкнера и С. Моэма): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2006. 23 с.
4. Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2014. № 1. С. 7-18.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. С. 14-285.
6. Мурдускина О. В. Синтаксические аномалии как средство смысловой самоорганизации языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2011. № 5 (59). С. 25-28.
7. Нелюбин Л. Л., Хухунни Г. Т. История и теория зарубежного перевода: учебник. Изд-е 3-е. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 144 с.
8. Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: монография. М.: Флинта, 2012. 322 с.
9. Уланович О. И. Текст и его понимание // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Психология, педагогика, методика преподавания иностранных языков». 2001. № 3. С. 22-30.
10. Фолкнер У. Шум и ярость: роман / пер. с англ. О. Сороки. СПб.: Азбука-классика, 2005. 336 с.
11. Faulkner W. The Sound and the Fury: An Authoritative Text, Backgrounds, and Context Criticism / ed. by D. Minter. 2nd ed. N. Y.: W. W. Norton & Company, A Norton Critical Edition, 1994. 464 p.
12. Morris W., Morris B. A. Reading Faulkner. Madison: University of Wisconsin Press, 1989. 272 p.

GRAMMATICAL AND SYNTACTIC ANOMALIES IN THE ENGLISH LITERARY TEXT AND PECULIARITIES OF THEIR TRANSLATION INTO THE RUSSIAN LANGUAGE

Soshnikov Aleksandr Olegovich, Ph. D. in Philology
Kursk State University
alexandersoshnikov@rocketmail.com

In the article, the comparative analysis of the structural and semantic organisation of the text in William Faulkner's novel "The Sound and the Fury" and its Russian translation is carried out. The presence of deviations from grammatical and syntactic norms in the text of the original is an important figurative and expressive means enabling the author to achieve the effect of the stream of consciousness that would be impossible while maintaining the linear theme-rheme sequence. The studied grammatical and syntactic anomalies of the English and Russian texts are considered in the context of their emotional impact on the reader, and an attempt to identify the degree of the correlation of the translation text with the original one in terms of the choice of translation strategies is made.

Key words and phrases: structural and semantic organisation; topic-comment articulation; literary text; grammatical and syntactic constructions; propositions; macropropositions.

УДК 81'367

Дата поступления рукописи: 11.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.26>

В статье рассматриваются актуальные вопросы теории синтаксических концептов, проанализировано использование наиболее адекватных критериев и методов с целью их применения при исследовании возможных модальных и локальных модификаций синтаксических концептов. Новизна исследования заключается в том, что предложена новая классификация синтаксических концептов, усовершенствовано определение синтаксического концепта. Полученные результаты могут использоваться при изучении теории и практики перевода, при обучении иностранному языку, в области искусственного интеллекта.

Ключевые слова и фразы: концепт; синтаксический концепт; методы анализа; критерии; типы концептов.

Цыганская Оксана Геннадьевна

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
gypsyroks@yandex.ru

Борисова Татьяна Григорьевна, д. филол. н., доцент

Ставропольский государственный педагогический институт
ddis@bk.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ: КРИТЕРИИ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА

Синтаксический концепт играет основную роль в речемыслительной деятельности, так как одновременно обращен и к реальной действительности, и к языку. Рассмотрение и описание наиболее адекватных критериев и методов, применяемых для изучения и классификации синтаксических концептов, позволяет